

СБОРНИК • РАССКАЗОВ

16+

ЩЕГЛЫ

*Первый
почёт*

Татьяна Волковская

Наталья Есина

Алиса Иванова

Адиль Койшибаев

Екатерина Красникина

Матильда Кун

Анвар Кураев

Казбек Шулькев

Андрей Яценко

Сборник рассказов выпускников авторского литературного курса
Ирины Щегловой

**Адилъ Койшибаев
Татьяна Волковская
Анвар Кураев
Екатерина Красникина
Казбек Шулькев
Андрей Яценко
Алиса Иванова
Наталья Есина
Матильда Кун
Катя Степанцева**

**«Щеглы». Первый полёт.
Сборник рассказов**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56826763

SelfPub; 2020

Аннотация

Авторы – люди разных взглядов, профессий, они живут в разных странах, но всех их объединяет любовь к литературе. "Литература объединяет" – здесь ключевое. Ирина Щеглова, писатель и автор литературного курса.

Содержание

Уважаемые читатели!	4
I. Индивидуальные:	5
Вопрос ответственности	6
Дикари	12
Наталья Есина	19
Русалка	19
Сделки бывают разные	36
Адиль Койшибаев	45
Лифт	46
Модница	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Уважаемые читатели!

Перед вами проба пера выпускников Курса для начинающих писателей ЛитО "Щеглы". Авторы – люди разных взглядов и профессий, они живут в разных странах, но всех их объединяет любовь к литературе. "Литература объединяет" – здесь ключевое. Я очень рекомендую прочитать сборник. Интригую: рассказы написаны авторами во время обучения на Курсе. Это их домашние задания! Уверена, вы получите удовольствие, а с ним и новый, интересный опыт.

Благодарю за внимание!

Ирина Щеглова

I. Индивидуальные: Татьяна Волковская

Буду рада вашим мнения и отзывам. Писать можно в инстаграм: @sinity92

Вопрос ответственности

– Может, выйдешь? – спросил Амалиэль. – Люцифер принес печеньки.

– У меня нет времени на печеньки, – отрезала Анахита. – Мне нужно работать.

Она открыла папку. Взяла маркеры – красный, желтый, черный, голубой – и положила рядом. Удобно расставила печати. Достала разноцветные стикеры для пометок. Амалиэль наблюдал за ней, жуя печенье. Хрум, хрум, хрум. От этого хруста у Анахиты разболелись зубы. Она с раздражением посмотрела Амалиэлю в глаза.

– Ох, прости, – он поднял руки, будто сдается. – Уже ухажу.

Амалиэль открыл проход. Звуки музыки, разговоров и смеха ворвались в сферу Анахиты. Она закрыла ладонями уши и уставилась в папку. Нельзя отвлекаться.

– Мы все еще ждем тебя, – сказал Амальэль, уходя.

– Уже бегу, – с сарказмом отозвалась Анахита.

Проход закрылся. Вернулась привычная тишина. Анахита выдохнула.

– Спокойно. Ты со всем справишься, – подбодрила она себя и начала читать историю жизни очередного человека.

Анахита была счастлива, получив предложение о работе. Ей надоело скитаться по Земле, она устала от людей, их по-

роков и бесконечных распрей. «На Небесах, всяко, порядка больше», – думала она, не представляя, как ошибается. В первый же день на нее свалилась куча дел. Тысячи, нет, десятки тысяч историй жизни, каждую из которых требовалось прочитать и оценить. Она с неделю не покидала сферу. К вопросу подошла ответственно: создала стол, стеллажи для папок, коробки для отработанных дел, маркеры, ручки. Все это подсмотрела у людей, ежедневно корпящих над бумажками. Прошлась по чужим сферам, чтобы узнать, как справляются братья и сестры, и чуть не сгорела от злости. Буквально. Амализель, например, читал истории, лежа на диване и поглядывая в телевизор. Лайла больше времени тратила на танцы в саду, чем на дела. Михаил любовался созданными им гравюрами. «Сколько жизней ты оцениваешь за день?» – спрашивала Анахита, и все отвечали: «Пять-шесть, максимум, десять». Она не знала, что раздражает больше: безответственность братьев и сестер, или собственное отношение к работе?

– Опять... – с губ сорвался жалобный скулеж.

Анахита уже тридцать минут читала историю и не понимала ни слова. В голове туманилось, руки дрожали от усталости. Мыслями она была на Земле. Ей хотелось вернуться и бродить среди людей, просто наблюдая. Что может быть лучше? Ни усилий, ни стресса, никакой бумажной работы – монотонной и утомительной. Она тосковала по беспечной жизни на Земле. Скучала по уютным кафе Петербурга и доро-

гим ресторанам Нью-Йорка; по жаре Таиланда, дикому холоду Сибири и непредсказуемой погоде в Москве; по рассветам и закатам; по людям и их глупым распрям.

– Сосредоточься, – твердо сказала Анахита. – Душа №3427566. Так, дурные поступки...

Она взяла желтый маркер и выделила им простительные. Красным пометила поступки похуже. Потянулась к черному и остановилась: пнуть щенка в семь лет считается непростительным?

Анахита бросила маркер на стол и закрыла лицо руками. Хотелось расплакаться. Прочитав несколько тысяч историй, она едва соображала. В голове билась страшная мысль – всё сжечь. Каждую папку, каждый стеллаж, ручки, маркеры, печати, холодную белую сферу – сжечь, сжечь, сжечь! Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Встала: «Нужно походить, размяться», – и расправила крылья. Обычно перья горели, но сейчас походили на истлевшие угли. Выпадать начали! За неделю Анахита потеряла пару десятков.

Она врезалась лбом во что-то твердое. Отскочила – перед ней стояла черная офисная дверь. Раздался стук. Анахита растерялась.

– Войдите... – невольно сорвалось с губ.

Дверь распахнулась. Анахита взвыла – только не он! Кого не выгонишь и не заставишь заткнуться, так это Люцифера. Он вошел к ней в людских одеждах, сверкая дьявольской улыбкой. У Анахиты задергался глаз.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она и поспешила вернуться за стол. Вцепилась в голубой маркер, уткнулась в историю, сделала несколько пометок на странице добрых поступков.

– Принес тебе печеньки, радость моя, – Люцифер поставил тарелку прямо на историю.

Анахита посмотрела на него, как на кота, нагадившего в любимые туфли.

– Я не ем печеньки, – процедила она.

– Они с гашишем, – подмигнул Люцифер.

– Тем более!

Она смахнула тарелку со стола. В тишине сферы звон казался особенно громким. Анахита схватила несколько папок.

«Если я буду его игнорировать, он заскучает и уйдет», – подумала она, деловито листая истории.

Люцифер тяжело вздохнул. Анахита сделала вид, что не услышала. Он ходил по сфере, нарочно топая, рассказывал истории и отвлекал, отвлекал, отвлекал! Анахита сжала маркер так сильно, что тот треснул.

– Люцифер, – спокойно сказала она, хотя хотела кричать, – если ты не собираешься помогать, то уходи.

– Я уж думал, ты не попросишь!

Пританцовывая, он взял коробку с надписью «завершенные» и сгреб туда кипу папок со стола.

– Вот мы и закончили, – весело произнес Люцифер. – Те-

перь можешь отдыхать, моя дорогая.

Анахиту затрясло. Она подскочила, крылья вспыхнули пламенем. Огонь пробежал по плечам и затанцевал в черных волосах. Люцифер зааплодировал с восторженной улыбкой.

– Как ты можешь?! – закричала Анахита. – Как все вы можете развлекаться, отдыхать и жрать, зная, что за Вратами ждут миллионы душ?! Отец дал нам эту работу, и мы должны относиться к ней ответственно! Из-за вашей беспечности страдают души! Они ждут столетиями, потому что Михаилу, видите ли, надо «закончить шедевр», а Лайле научиться танцевать нижний брейк! Вы совсем, что ли, ох... – она ударила себя по губам и замолчала.

Люцифер слушал ее тираду со снисходительной улыбкой. Он присел на край стола и проникновенно заглянул в глаза.

– Милая моя Ана, послушай, – посмеиваясь, заговорил Люцифер, – дело вот в чем: этим душам некуда спешить. Они уже, ну, ты знаешь, мертвы. Стоят себе у Врат, ждут, пока ты или другие мои драгоценные братья и сестрички решат, что с ними делать. А знаешь, что самое удобное? Они ничего не поймут. Хоть миллион лет пройдет, они не почувствуют. Душам не дано помнить переход.

Анахита замерла с открытым ртом. Пламя крыльев угасло, огоньки исчезли из волос. Плечи расслабленно опустились.

– Это правда? – с надеждой спросила Анахита.

– Чистейшая, мой маленький пожар, – с улыбкой ответил

Люцифер.

– Почему мне сказали?

– Ах, – он махнул рукой, словно говорил о чем-то крайне незначительном, – это такая шутка для новичков. Миллиарды лет не теряет актуальности.

Анахита рассмеялась. Рухнула в кресло с блаженной улыбкой. Закрыла папки, смахнула маркеры и печати в ящик.

– У тебя еще остались печеньки? – поинтересовалась Анахита, размышляя, куда пристроить телевизор.

– О, да, моя любимая сестрица, – отозвался Люцифер.

– Я, пожалуй, возьму парочку.

Дикари

Молодой путешественник Александр Ильин никак не ожидал, что у храма древнего божества начнется потасовка. Жители трех поселений бросились друг на друга: мужчины били женщин, женщины вырывали мужчинам ритуальные кольца из губ, старики лупили палками детей, дети камнями закидывали взрослых. Александр был поражен. Он прожил в Новых Землях больше года, по несколько месяцев в каждом поселении, и везде люди вели себя дружелюбно, благородно и сдержанно.

Александр достал из полевой сумки ружье и выстрелил в воздух. Грохнуло, с деревьев взвились стаи птиц. Их гаркающие крики разнеслись над джунглями. Люди испуганно замерли: кто вцепившись в волосы противника, кто занеся кулак. Дети побросали камни. Старики, наконец, смогли отдышаться.

Убрав ружье, Александр звучно и отчетливо произнес: – Я прошу мудрейших шаманов оказать мне честь разговора!

Толпа расступилась, почтительно опустив головы. На встречу Александру вышли три старца. Шаман поселения Великого Водопада был одет в ритуальную юбку из пальмовых листьев. Его волосы, подобно короне, украшали перья страуса. С посоха свисали рыбы черепки и кости. Един-

ственной одеждой шамана Великой Реки были цветы: ожерельем они овивали шею, браслетами – ноги и руки, красотою бутонов сверкали в спутанных седых прядях. Ветер играл с длинными цветочными лентами, привязанными к посоху. Приличнее всех, по мнению Александра, выглядел шаман Великого Озера: его ярко-красное платье в симметричных узорах закрывало тело от шеи до пят. На лысой голове поблескивали капельки пота. Верхушку посоха, обтянутого золотистой тканью, покрывали бусины драгоценных камней.

Александр поклонился и встал на колени, выказывая уважение. Шаманы сели напротив. Поселенцы тоже опустили на землю.

– Прошу простить мне мое невежество, – заговорил Александр, – но что же делается? Отчего ваши люди преисполнились такой злобы?

Первым ответил шаман Озера:

– Мое племя не могло дозволить оскорбления Отца нашего, Творца всего сущего, великого Бога Лахата.

– Лаата, – возразил Водопад.

– Лата, – мягко поправил Река.

Шаман Озера с презрением воскликнул:

– Видишь!

– Прошу, мудрейшие, – увещевал Александр, – пусть каждый говорит по очереди. Я чужак на ваших землях, но вы приняли меня, как близкого себе. Окажите мне еще немного чести, позвольте попытаться рассудить вас. Порой взгляд

со стороны, пусть и такого незначительного человека, как я, бывает полезен.

Шаманы переглянулись. Пошептались немного и, в конце концов, согласились. Александр благодарно поклонился:

– Прошу вас, мудрейший шаман Великого Озера, расскажите мне, чем же другие племена могли оскорбить вашего Бога?

– Сам вид их – уже оскорбление! – прорычал Озеро. – Они пришли в священное место, не прикрыв срамных чресл! Тебе должно это понимать, ты всегда прячешь свой срам пред Богом! – тонким скрюченным пальцем шаман указал на одежды Александра – хлопковую рубаху и подпоясанные штаны.

Александр не стал возражать, что одевается так по правилам этикета и общественных приличий.

– Но того им показалось мало! – продолжал Озеро. – Они хотели обмануть Отца нашего, Творца всего сущего, великого Бога Лахата! Разве так ведут себя благодарные сыновья и дочери?!

Шаман ударил посохом о землю. Жители Великого Озера зароптали. Александр заметил, что Водопаду не терпится высказаться и со всем уважением остановил его:

– Мудрейший, мы выслушаем и вас, как только придет время. – Он вновь обратился к Озеру: – В чем же заключается этот обман? Прошу, объясните мне.

Шаман Озера расправил плечи и высоко поднял голову.

Горделиво и величественно он говорил:

– В день, когда солнце дольше всего не желает уходить во тьму, мы приходим в храм Отца нашего, Творца всего сущего, великого Бога Лахата, чтобы воздать Ему честь и просить на мгновение обратить взгляд Свой на нас, детей Его. Мы молим об удачной охоте и хорошем урожае, а взамен отдаем Ему душу самого молодого Его ребенка. Нам достоверно известно, где Он спрятал душу, – шаман с благоговеньем коснулся головы, – и мы отдаем ему то, что сокрыто здесь, под кожей и костью. А эти дикари, – он поморщился, взглянув на других, – отдают ему какие-то безделушки!

Озеро сплюнул, будто слова имели отвратительный вкус. Водопад не выдержал:

– Безделушки?! Мы отдаем Ему истинноеместилище нашей души! Оно сокрыто под кожей и костью, – он прижал ладонь к груди, – здесь! Оно болит, когда нам грустно и бьется быстрее бега пятнистой кошки, когда мы счастливы. Оно горячо и трепещет от жизни, когда я достаю его! И мы приходим к Отцу нашему, Творцу всего сущего, великому Богу Лаату не пряча тел под яркими тряпками, как дикари!

– Да как ты смеешь?! – возопил Озеро.

– Братья мои, – вмешался шаман Реки, – меня огорчают ваши мысли о душах наших. Разве могут они прятаться в том, что можно потрогать? Душа вне тела, но рядом с ним. Она в словах, в движениях, в поступках. Ее нельзя взять и отдать, но можно донести песнью и танцем. Сорвите одежды

свои, украсьте тела цветами и танцуйте, и пойте, и кричите в том виде, в каком создал нас Отец наш, Творец всего сущего, великий Бог Лата! Лишь дикари носят одежды и убивают детей Его.

– Не тебе судить о том, что верно, а что нет! – зашипел Озеро. – Лишь мне известна правда!

– Нет, мне! – ударил его посохом Водопад.

Шаман Озера подскочил и сильно пнул в ответ.

– Мудрейшие, прошу вас, успокойтесь! – старался унять их Александр. – Будьте благоразумны!

Его уже никто не слушал. Шаманы сцепились, крича, упали на шамана Реки и тот присоединился к схватке. Жители трех поселений вновь смешались в безумной драке.

В долгой дороге домой Александр трудился над книгой о жизни африканских племен. С особой кропотливостью, стараясь не упустить ни одной детали, он описывал перепалку шаманов и бой поселенцев. Рассказ подытожил словами: «Несмотря на то, что племена Великого Озера, Великого Водопада и Великой Реки когда-то существовали одним племенем Великой Воды, они так и не смогли прийти к взаимопониманию и продолжали биться. Что поделать? Дикари!»

На вокзале в Петербурге Александра встречали всей семьей: несмотря на почтенный возраст, явилась матушка Валентина, сестра Катерина вернулась с Москвы, брат Николай прервал поездку во Францию, Анна, жена Александра, приехала с детьми. Трое сыновей встречали отца счастли-

выми криками. Но отрадней всего Александру было видеть доченьку Дарью. Оставлял ее крохой-младенцем, а теперь смотрел на юную барышню.

Он всех обнимал и здоровался.

– Вернулся, сынок, да живой! – стирала слезы мама.

– Как я рада тебя видеть! – целовала сестра.

– Ну что, расскажешь мне о темных варварах? – пожимал руку брат.

– Я так боялась, что ты пострадаешь там, среди этих... Этих!.. – рыдала Анна. – Слава Богу! Он защитил тебя! – она перекрестилась.

Дарья, глянув на маму, повторила:

– Свава Богу, он защитив тебя! – и тоже перекрестилась.

Александр охнул.

– Анна! Что же это такое? Ты почему Дарьюшку креститься не научила?! – возмутился он.

Анна вздрогнула и серьезно посмотрела на дочь.

– Ильина Дарья Александровна, – громом зазвенел ее голос, – покажи, как ты сделала!

Раскрасневшаяся Дарья вмиг побледнела. Вся семья глядела на нее. Медленно, дрожащей ручкой, она перекрестилась слева направо. Матушка Валентина с недовольством качнула головой. Катерина поджала губы. Николай осуждающе цокнул языком. Братья рассмеялись: «Глупая! Глупая!»

Александру захотелось задрать белое платице дочери и тут же наказать ее поркой. Анна, заметив злобу в его глазах,

попыталась смягчить мужа:

– Я поговорю с ней дома, объясню...

– Дарья, – сурово сказал Александр, – крестное знамение – это наше оружие и защита против злых сил, поэтому осенять себя крестным знамением нужно правильно, – он всплеснул руками: – Мы же не дикари какие-то!

Наталья Есина

Русалка

Санька пыхтел, ворочался, никак не мог уснуть. Странная штука, жизнь, и время в ней как-то странно существует. Бывает, дни тянутся, тянутся, как резина, ничего не происходит, а потом вдруг раз, и – нате вам. Прошло всего две недели, как они с мамой переехали из Воронежа, где у него остались школа, друзья, тренировки, а Саньке та жизнь уже казалась сном, словно и не с ним все происходило.

Он отчетливо помнил день, когда отец привел его в школу по прыжкам в воду. Сентябрь в тот год выдался теплым. Санька все лето просидел с ангиной; и прицепилась же она тогда к нему, как назойливая муха. Мальчишки во дворе всю в футбол гоняли, а он сидел у окна, с шерстяным шарфом на шее, с противным привкусом люголя во рту, и завидовал беззаботной беготне. И свое семилетие проболел, – никаких гостей, – и в первый класс пришел только в конце месяца, когда дети уже сдружились, попривыкли к учителю, к школе, а он весь день сидел и думал, поскорей бы домой. Отец вернулся с лекций, потрепал Саньку по плечу и спросил, как школа, а Санька выпалил, что больше туда не пойдет, лучше опять заболеет. Тут уж мама возмутилась, что у

нее выпускной одиннадцатый класс, и сидеть на больничном некогда, а папа весело гаркнул, что пора его, Саньку, мужиком делать.

На следующий день Саня робко поглядывал из-за папиной спины на тренера, принюхивался к запаху хлорки и глазел на ребятню, которая с восторженными воплям прыгала в воду по свистку.

Семь лет пролетели незаметно, болеть он перестал, вымахал в подростка с развитыми плечами и густой каштановой шевелюрой. Тренер – Зинаида Николаевна, стала второй мамой. С ней Санька делился проблемами, радостями. И, конечно же, – свое мечтой. А была она у Саньки одна, но самая что ни на есть заветная: стать олимпийским чемпионом по прыжкам в воду с десятиметровой вышки. Эта мечта грегла Саньку, когда вместо тусовок с друзьями, он отрабатывал сложные винты, вход в воду или наскок, она не дала ему сорваться, когда погиб отец, защищая женщину в городском парке от насильников.

В этом году Саня заканчивал восьмой класс и усиленно тренировался, готовясь к предолимпийскому отбору в команду юниоров. Все рухнуло в одночасье: маме поставили диагноз саркома легких. Квартиру пришлось срочно продать, – предстояла сложная операция. Жить переехали в Москву – к двоюродной сестре отца, тетке Полине. Она работала сутки-трое метеорологом в аэропорту, а муж – тоже метеоролог, улетел в командировку на север. Детей у них не

было, и Саньку тетка Полина любила как сына.

Он встал и крадучись пробрался на кухню. Дверь в гостиной была приоткрыта:

– У Саши большое будущее в спорте, ты уж позаботься о нем, Полечка, когда меня... – он еле слышал мамин голос.

– Вот еще, скажите пожалуйста, что это ты себя раньше времени хоронишь? – перебил голос тетки.

– Не перенесу я операцию, чувствую, – мамини слова заставили Саньку сжаться в комок.

– А ну-ка, хватит: отменяю полет плохих мыслей по метеорологическим условиям. Поняла!? Ты обязательно поправишься, и мы... – Санька не дослушал.

Он вернулся в свою комнату, зарылся в подушку и затрясся в бессильном плаче без слез. Его буквально раздирало на части от смеси жалости и злости на мать. Как она могла заболеть, когда у него на носу такие важные соревнования, когда среди судей будет сам Дмитрий Саутин – его кумир, его бог! Санька так стремился к этому первенству, на тренировках расшибался в лепешку, даже в мыслях постоянно отрабатывал элементы прыжков, а сколько сил в него вложила Зинаида Николаевна!? И что теперь? Прощай спорт, прощай мечта? Из-за какого-то там дурацкого рака! И слово-то противное: клешнями выдирает у Саньки его надежду...

Санька проснулся раньше обычного. Мартовское солнце светило в глаза, приглашая, вместе с голубым небом и

пронзительно свежим воздухом, порадоваться приходу весны. Воробьи оголтело щебетали, а крыши домов громко плакали прощальными снеговыми слезами.

Он встал, подкрался на цыпочках к маминной комнате, приоткрыл дверь и вгляделся со страхом: дышит, не дышит. Словно угадав его присутствие, мама открыла глаза:

– Санечка, сынок, входи!

Сел на стул, стоявший у изголовья.

– У тебя сегодня первый школьный день, волнуешься? – Санька почувствовал, как мама слабо сжала его руку.

– Да не хочу я в эту школу ходить, я в свою хочу, и тренировок вон уже сколько пропустил, – он досадливо поморщился.

Мама тяжело вздохнула, и на ее лице промелькнула тень:

– Я все понимаю, сынок, прости, что так подвела тебя.

Саньке стало и больно, и стыдно одновременно:

– Да ладно, привыкну. Может там ребята нормальные попадутся. Обратнo ж все равно сейчас нельзя.

– Ты потерпи, милый, все наладится, а может в новой школе тебя родной человек ждет? – мамино лицо осветила мягкая улыбка.

– Это как, родной: родственник что ли? – Санька нахмурился.

– Это, сынок, когда ты встречаешь незнакомого человека и сразу понимаешь, что он твой, родной, как у нас с твоим папой было.

Санька никак не мог взять в толк, о чем говорит мать. Она уловила его настроение:

– Да ты не думай сейчас об этом, придет время, обязательно поймешь.

Санька помог маме приподняться и поправил подушку:

– А как я это пойму?

– По глазам, Сашенька, они всегда говорят нам правду, помнишь, как у Омара Хайяма?

Тембр маминого голоса успокаивал его:

Глаза умеют говорить,
Кричать от счастья или плакать,
Глазами можно ободрить,
С ума свести, пуститься в драку...

Словами можно обмануть,
Глазами это невозможно.
Во взгляде можно утонуть,
Если смотреть неосторожно...

Санька вспомнил эти стихи: мама преподавала русский язык и литературу, и он часто приходил на кружок, где старшеклассники после уроков готовились к конкурсу. Это время осталось в прошлой жизни, а сейчас он с тревогой прислушивался к маминому глухому кашлю:

– Ну, Санечка, иди, родной, мне поспать надо, – понял,

что она отвернулась к стене, чтобы скрыть отголоски боли на лице.

«Сначала зайти в аптеку, – тетя Полина список оставила, – Еще купить молока и хлеба». Всю дорогу от магазина до дома Санька размышлял над словами мамы про родного человека, которого он должен узнать по глазам: «Неужели правда? Прямо по глазам все станет понятно?»

Перед подъездом, разлилась огромная лужа, отвоевав у тротуара солидный кусок, и пока Санька думал, как лучше ее обойти, его окружили трое. На вид – ровесники, может чуть старше, на лицах он не заметил дружелюбия:

– Вован, смотри какой у нас тут кекс нарисовался, – голос рыжего напомнил Саньке звук скрипучей двери.

– Ага, – поддакивал второй, низкорослый и какой-то ошипанный. – Ну че, Вован, объясним чуваку, кто в этом дворе главный?

Санька обернулся к тому, кого называли Вованом. Высокий, худой, волосы на макушке стянуты в хвостик, колючие глаза бегали:

– Изи, – пробасил Вован. – Понаедут тут всякие, воздух портят.

Санька понял, что этот у них за главного: двое других заржали, довольные остроумием вожака.

– Загоготали, гуси, – он не планировал драться. – Дайте пройти, и вам ничего не будет.

– Э, да он борзый! – Вован сделал шаг вперед, вынуждая Саньку отступить в самую лужу.

– О, а вон и зрители, Вован, – ощипанный показал рукой в сторону дома, и Санька заметил в окне второго этажа девчонку. – Наша русалка появилась.

Саня не успел повернуться, как рыжий вырвал пакет и швырнул в лужу:

– Вован, смотри: молочные реки потекли!

Санька метнулся в сторону рыжего и резким ударом в живот заставил того согнуться пополам:

– Ты сейчас эти реки пить будешь, умник! – обеими руками оттолкнул верещащего, и тот плюхнулся в лужу.

– Наших бьют! – заорал ощипанный.

Саня расставил ноги пошире, готовясь к нападению. Видя, как Вован замахнулся правой рукой, Санька успел перехватить удар, резко крутанул, и отправил жожака в ту же лужу. Собирался надавать тумачков ощипанному, но тот убежал. Вован, чертыхаясь, поднялся и сплюнул:

– Ну, еще встретимся, понял?

– Ползи, откуда вылез! – Санька развернулся.

Вдруг он зримо почувствовал присутствие отца. Санька оглянулся – никого, но ощущение, что отец где-то рядом, не покидало. Санька замер, как вкопанный: «Папа, папа! Слышишь? Я смог! Я выстоял! Папа я помню тебя, папа!»

Санька зажмурился, запрещая слезам проступить, и пошел к подъезду. Внимание привлекло шевеление в окне на

втором этаже. Санька поднял голову и увидел улыбающуюся девчонку. В одной руке она трясла спортивный кубок, а большой палец другой – задорно смотрел вверх.

В школу он опоздал: пришлось еще раз бежать за молоком и хлебом. В коридорах тишина, начался урок. Он зашел в класс, извинился и стал ждать, куда его посадят. Учительница показала место на последней парте. Санька прошел сквозь взгляды и шушуканье одноклассников, плюхнулся на стул и только сейчас заметил, что рядом сидит девчонка из окна. Он тайком ее разглядывал: длинные светлые волосы падали на плечи, открывая миловидное лицо с большими глазами и слегка курносым носом. «Симпатичная», – Санька почувствовал, что краснеет.

Девчонка улыбнулась ему и шепнула:

– Круто ты сегодня Вовке Клячину навалял!

– А-а-а, так он еще и Клячин? – Санька поперхнулся смешком.

– Ага, он только в компании такой смелый, а так – трус-трусом. Я ему тоже по кумполу настучать могла, раньше.

– За что?

– В прошлом году, на восьмое марта, он мой шарф скотчем в цифру восемь заплел, да так, что я, когда отдирала, ножницами шерсть порезала. Шарф пришлось выкинуть, а жалко: папа с гастролей из Франции привез.

Пока девчонка говорила, Санька отметил, что у нее очень пушистые ресницы.

– А на день рождения мне ребята рыбку золотую подарили, а он, гад, вылил воду вместе с рыбкой в цветок. А мне сказал, что она уплыла. – Девчонка вздохнула. – Рыбка умерла, красивая была.

– Ну, а ты чего ему за это?

– А я налила в этот пакет воды и на контрольной ему по голове треснула. Ох, как он голосил. Мокрый весь. Моих родителей потом к директору вызывали.

Санька представил эту живописную картину и засмеялся. Учительница резко обернулась:

– Новиков, вообще-то, вы на уроке, а не в цирке!

Санька вскочил:

– Извините!

А учительница продолжила:

– Кораблева, какое задание я дала сейчас? – она строго посмотрела на Санькину соседку.

– Лидия Петровна, вы велели построить графики функций и найди корни уравнения два x минус тридцать шесть равно нулю.

Санька удивился двум вещам: как она успела все услышать и почему не встала, когда учительница к ней обратилась.

Прозвенел звонок, класс опустел. Саня предложил соседке пойти в столовую, но она достала из сумки бутерброды, налила чай из термоса:

– Давай лучше здесь перекусим, угощайся, – протянула

ему бутерброд и чай. – Меня, кстати, Лизой зовут. А тебя?
– Санька, Саша, – засмутился он.

В класс завалилась вся утренняя дворовая троица. Вован ухмыльнулся:

– Ну, чё, наша русалка, наконец, своего прынца нашла?

Рыжий заскрипел:

– Не, она дельфина нашла, – он противно заголосил:
«Дельфин и русалка, та-та-да-та-та-да, такая дурацкая пара!»

– На свадьбу позовете? – не унимался Вован.

А рыжий его перебивал:

– На крестины дельфинят! – его гоготанье вывело Саньку из себя. Он дернулся, но почувствовал, что Лиза схватила его за руку:

– Не связывайся ты с ними, Саш. Что с них взять: стараются слова в предложения собирать, но ничего не получается.

Вован побагровел:

– Ну, ты, русалка убогая, тебе слова никто не давал! На свои ноги посмотри: вон, в колеса превратились!

Все трое заржали, а Санька увидел, как Лиза вспыхнула, положила голову на сложенные перед собой руки, и по трясущимся плечам понял, что она заплакала. Внутри у него все закипела, кровь прилила к лицу, он вскочил, накинулся на Вована и успел пару раз врезать по ухмыляющейся роже. Одноклассники растащили ребят, в этот момент прозвенел звонок. В класс зашла учительница, а следом за ней на пороге

появился высокий парень. Санька отметил, что тот очень похожий на Лизу.

– Кораблева, за тобой брат приехал, – Санька с изумлением наблюдал, как парень завез в класс инвалидную коляску, и девочка при помощи рук пересела на нее. Ее ноги, от ступней до колена, были перевязаны широкими эластичными бинтами, прямо поверх джинсов. Санька даже не успел ничего сказать: Лиза быстро собрала рюкзак, и укатила из класса.

Санька опять ворочался, сон не шел, а в голове кружились вопросы. Что произошло с Лизой? Девчонка понравилась ему, даже очень понравилась, но как встречаться с инвалидом? И сразу же перебил себя: «Ну, подумаешь – не ходит, с каждым может случиться несчастье. У меня вон, из-за болезни мамы вообще все кувыркком полетело», – и он заснул с твердым намерением узнать, что за беда приключилась с одноклассницей.

Проснулся ни свет, ни заря. Тетя Полина была на сутках, мама спала. Он пожарил яичницу, половину съел, а другую тихонько поставил на тумбочку около маминой кровати, накрыл чистой тарелкой, чтобы не остыла. Написал записку, что с пробежки сразу в школу пойдет, а сам несколько раз обогнул дом, прикидывая, в какой квартире живет Лиза. Когда он был точно уверен, что знает номер, позвонил в дверь. Не открывали долго, а затем послышался тихий скрип. Дверь открыла Лиза, и Саня заметил, как ее брови удивленно взле-

тели вверх:

– Саша? Что ты тут делаешь? Я думала, это брат пораньше заехал за мной.

Саньке очень понравилось, как ее светлые волосы, задорно разбежались на два пучка:

– Я тут, это, решил тебя до школы проводить, не возражаешь? – он незаметно ущипнул себя за руку, чтобы сбить внезапно нахлынувшее волнение.

– Заходи, правда, еще рано: Олег за мной обычно в семь сорок приезжает, – Саша изумился, как она ловко развернула коляску и покатила. – Тапки там бери, моя комната слева по коридору.

Комната Лизы приглянулась Саньке: светлая, с большим окном, вместо штор – жалюзи. Его внимание привлекли грамоты, развешанные в рамочках по стенам, а полка над письменным столом была вся уставлена золотистыми кубками разного размера и формы.

– Ух ты! – кубки приворожили его. – Это что – твои все?

Санька заметил, что Лиза обрадовалась:

– Ну да, мое богатство, – она любовно погладила кубок, похожий на тот, которым вчера приветствовала его в окне.

– Значит ты – гимнастка? – присвистнул Санька. – Круто, давно занимаешься? – он осекся, переведя взгляд на забинтованные ноги.

– Меня в три года родители привели в цирк на свое представление, и тогда я решила, что стану гимнасткой, только

не цирковой, в спортивную пошла.

– Вижу, разновысокие брусья? – Санька с любопытством читал грамоты.

Неуемный вопрос так и дергал за язык:

– Лиз, а что у тебя с ногами?

Он мысленно треснул себя по лбу, но слово, как говорит-ся, не воробей. По лицу Лизы понял, что она ждала вопроса:

– Осенью, на сборах, соскок неудачно выполнила, теперь вот, в гипсе катаюсь, – Санька почувствовал грустинку в голосе, но почти сразу улыбка вернулась на лицо девочки.

Среди грамот висела фотография улыбающейся гимнастки на пьедестале.

– А это кто такая? – поинтересовался он.

– Это – мой кумир, Людмила Турищева, – теперь в глазах Лизы Санька поймал огонек. —Представляешь, прямо во время соревнований под ней брусья развалились, чудом успела упражнение закончить!

Саньке определенно нравилось, с каким воодушевлением Лиза говорила:

– А она, судей и зрителей поприветствовала и, как ни в чём не бывало, ушла с помоста, даже не оглянулась! Вот это выдержка!

Воображение живо нарисовало Саньке это картину, и он аж охнул. Ему захотелось поделиться с Лизой своими достижениями:

– Я вот тоже... тренировался.

На лице Лизы заметил любопытство:

– Атлетика?

– С вышки десятиметровой прыгал, кандидата защищать в этом году собирался, но мама заболела, пришлось в Москву срочно ехать, – нахлынуло сожаление.

– Так это ж здорово: можешь у нас в спортшколе попробовать! Знаешь какая тренерша по прыжкам? Говорят, семь шкур сдирает, но ребята ее очень любят, – эти слова оживили Саньку.

В дверь позвонили, и пока Лиза открывала, Санька обдумывал ее слова: «Значит травма. Ну, такая точно все выдержит, да еще чемпионкой станет, зуб даю!»

Лиза вернулась с уже знакомым Саньке парнем:

– Саша, одноклассник, а это – Олег, мой брат.

Санька пожал протянутую руку:

– Я хотел Лизу до школы проводить, вы не против?

– Лиза сказала, вам можно доверять, да, сестренка? –

Санька увидел в глазах Олега уже знакомые веселые огоньки. – Давайте живо, а то опоздаете.

Саня с интересом наблюдал, как Лиза подхватила школьную сумку, быстро высвободила волосы, пару раз прошлась по ним расческой и задорно натянула зеленую вязаную шапочку, не забыв при этом оглядеть себя в зеркале.

«Вот шустрая», – он помог Лизе заехать в лифт.

Второй день в школе пролетел незаметно. По дороге домой Санька, сам того не ожидая, рассказал Лизе всю свою

жизнь. И про прыжки в воду, и про папину смерть, и про мечту, которая, как ему казалось, уже не достижима, и про мамину болезнь. Ему было очень легко и спокойно с этой девочкой, как будто знал ее лет сто. Лиза внимательно слушала, иногда переспрашивала, заразительно смеялась, когда Санька делился забавными случаями из своей спортивной жизни. Они шли рядом. Лиза сама управляла коляской. Санька узнал, что она отказалась переходить на домашнее обучение и упростила брата, чтобы, в отсутствие родителей, тот провожал ее в школу, пока не снимут гипс и не разрабатываются ноги.

Когда подъехали к пешеходному переходу, у Лизы свалился рюкзак. Саня быстро присел, поднял рюкзак и протянул ей. В этот момент взгляды их встретились. И он, Санька Новиков, в первый раз в жизни почувствовал себя в невесомости. Дыхание перехватило. Словно зачарованный, смотрел, как искорки солнечных зайчиков в ее глазах улыбались ему и заставляли сердце колотиться все быстрее и быстрее. Знакомые строчки сами вплелись в его мысли:

Их взгляд, как меч, пронзает все,
Они – как древний врачеватель,
Они – с душой заодно,
Так сотворил их наш создатель.

Когда душа любви полна,

Глаза загадочны, как вечность,
В них счастья светится волна
На море жизни безмятежной...

Красный человечек в светофоре превратился в зеленого и весело зашагал на месте, а Санька все смотрел и смотрел. Лиза покраснела и первой опустила глаза, а он, будто проснувшись, охрипшим голосом поторопил:

– Пойдем, а то брат твой заволнуется, – подхватил коляску и помчался через дорогу. Санькина душа ликовала, он словно парил над землей: ему хотелось обнять и этого дядьку с угрюмым лицом, и тех забавных близняшек в коляске вагончиком, и даже лохматую дворняжку с кудлатым хвостом. Весь мир превратился для Сашки в одно большое счастье.

Шли молча. Санька боялся испугнуть неведомое чувство, зарождавшееся внутри. Когда до подъезда Лизы оставалось метров пятьдесят, у Сани зазвонил телефон. Тетя Полина плакала в трубку, просила, чтобы он скорее шел домой, что мама умерла, и тетка ждет приезда скорой. Санька попытался что-то ответить, но горло сдавило. Кинуло в жар, колени задрожали, он сел прямо на асфальт и выронил трубку.

– Что, Саша? Что случилось? – в голосе Лизы послышалась растерянность.

Санька одними губами прошептал:

– Мама... ее больше нет, – в глазах защипало. Санька не чувствовал, что слезы катились по щекам. Он словно наблю-

дал со стороны, как Лиза вскрикнула, закрыла рот ладонью. В следующую секунду Саня ощутил ее теплую руку на своей руке. Слова девчонки, чье имя узнал только вчера, дотронулись до него, словно ласковое мамино прикосновение:

– Саша, ты не один, я буду рядом, слышишь?

Весть о маминой смерти хлестанула по лицу, словно ветка, отпущенная идущим впереди. Внутри у Саньки вдруг поселилось странное умиротворение. Он сжимал Лизину руку, и это делало его сильнее. Санька понял, что стал взрослым.

Сделки бывают разные

То, что сделка будет проблемная, поняла сразу: потенциальная покупательница осматривала квартиру семь раз, и каждый раз – с новой подругой. Некоторые из них шептали ей на ухо, поглядывая на меня, как будто это я была выставлена на продажу, а не двухкомнатная хрущевка на первом этаже. За неделю до сделки меня разбудил телефонный звонок:

– В ваших услугах не нуждаюсь: у меня будет свой агент!

Сквозь остатки сна голос показался знакомым:

– Валентина, это вы?

– Да! – сопение в трубку. Гудки.

На показе квартир всегда спрашиваю покупателя, нужна ли ему помощь в оформлении документов. Вот и ее спросила, на свою голову.

В день сделки снова звонок:

– Попрошу вас не опаздывать: документы я могу подписывать только до одиннадцати дня!

– Валентина, доброе утро, – почувствовала, что начинаю злиться. – Я никогда не опаздываю.

– Хм, встретимся в банке, – и снова гудки.

«Похоже, вы не умеете ни здороваться, ни извиняться, уважаемая», – от такого пробуждения мое сердце застучало быстро и громко. Я, конечно, привыкла жить с телефоном

двадцать четыре на семь, но не до такой же степени. Экран телефона ослепил: только половина пятого!

«Бли-и-н, вот странная женщина, – уставилась в потолок, пытаясь успокоить сердцебиение, сделала глубокий вдох носом, задержала дыхание и медленно выдохнула через рот. – Украла у меня законный час отдыха», – сон пропал, а раздражение нарастало.

После обливания по телу разлилось приятное тепло. Привычный ритуал: кофе, горячий бутерброд, витамины.

Я всегда прокручиваю этапы каждой сделки в голове и, обязательно, настраиваюсь на «счастливый финал»: довольный покупатель получает документы на квартиру, а продавец – ключ от ячейки, в которой, как говорил Остап Бендер, деньги лежат. После завтрака еще раз проверила пакет документов: все на месте. Одежда – деловой стиль. Макияж – еле заметный. Пальто, шапка, перчатки, дверь захлопнуть. Еду в банк.

Если честно, проводить сделки именно в этих банках не люблю: не во всех отделениях есть переговорные комнаты, и клиенты вынуждены подписывать документы на коленках. А иногда с ячейками засада. Несколько раз приходилось переоформлять их на месте: предыдущий клиент продлил бронь, а менеджер прошляпил этот момент, чуть сделка не сорвалась. Но особенно меня не устраивало, что там почти всегдалюдно и нервозно. Вот и сегодня не исключение: пришла за

пять минут до открытия – на улице уже толпа стоит, дышит паром на морозе:

– Открывайте что ли: холодно!

Моей клиентки Екатерины еще нет, зато покупательница Валентина тут как тут. Дубленка на животе распухла, как у беременной. С ней рядом высокая худая женщина лет шестидесяти: длинный черный пуховик, на голове черный платок, лицо дохлой клячи и большая черная сумка через плечо. «Обещанный агент, наверно», – здороваюсь, обе молчат. Заходим в банк. Прошу их подождать у свободного диванчика, бегу к менеджеру уточнить, повезло ли нам с переговорами. Подошла и моя клиентка:

– Привет, цветешь и пахнешь, как всегда, – глядя на меня, Екатерина убрала перчатки в сумку. – Надолго у нас тут все затянется?

– Надеюсь, до часу управимся, если эти будут вести себя адекватно, – еле заметно кивнула в сторону Валентины и ее спутницы.

– Пробки на кольце: выехала аж за три часа, но еле успела, – Катя почесала вспотевший лоб, а я залюбовалась ее причудливым маникюром.

Наконец, заспанная сотрудница банка вяло повела нас в переговорную. «Идемте!» – машу Валентине. Заходим. Мы с Екатериной сняли верхнюю одежду. А эти две подружки, похоже, решили париться. Сажусь во главе небольшого стола, Екатерина – по правую руку, слева от меня мешком плюх-

нулась Валентина, за ней чинно уселась Lady in black, так я успела про себя окрестить агента Валентины.

Еще раз всех приветствую, знакомлю клиентов, поясняю, как будет проходить сделка.

– Вопросы есть? – тишина, – вопросов нет.

Обращаюсь к покупателю:

– Валентина, каким образом вы с деньгами решили? Помните, я рекомендовала вам заранее открыть счет?

– Какое ваше дело? Мои деньги, как хочу, так и решаю! – Валентина щурится на меня глазами злобного хорька. Черная соседка, прикрывая рот рукой, шепчет ей на ухо.

– Мое дело такое: перед сделкой хочу удостовериться, что у вас есть вся сумма, заявленная в договоре купли продажи. И мы сегодня не потратим время зря, – смотрю на нее в упор.

– Мои денежки при мне! – Валентина расстегивает дубленку и хлопает руками по обмотанному скотчем черному пакету, прикрепленному к животу.

– Отлично, – передаю продавцу и покупателю копии договоров. – Это те самые договоры, которые я выслала вам на почту для ознакомления. Еще раз проверьте, пожалуйста, данные.

Екатерина бегло прочитала и отложила в сторону:

– Мне все ясно.

– Тогда пишем расписку, – пододвигаю ей чистые листки бумаги, ручку и образец.

Краем глаза замечаю, что слева от меня началась возня:

соседка Валентины открыла свою сумку и стала выкладывать на стол предметы, одновременно заунывно бубня. Вижу круглый большой кулон из серого металла в форме пентаграммы. Черное яйцо с белыми волнами вкраплений. Три головки чеснока и крупный корень имбиря, похожий на лапку неведомого существа со множеством пухлых коротких пальчиков.

Мы с Екатериной переглянулись. Ее брови поползли вверх.

«Ладно, идем дальше, всякое бывало: и не такие крепости брали», – говорю сама себе, а вслух обращаюсь к Валентине:
– У вас есть вопросы по договору?

Она молчит, косится на своего агента. Та берет первый лист договора, кладет перед собой, сверху ставит яйцо, поднимает кулон и начинает медленно водить им над бумагой, бормоча.

Повторяю свой вопрос. Валентина гневно шипит на меня:
– Тсс! Не видите, мать Анастасия работает!
– И сколько она будет работать? – наклоняюсь к уху Валентины.

– Столько, сколько нужно! – та резко отстраняется.
«Хорошо. Дам тебе минут пять. Клиенты всегда волнуются, понятное дело», – решаю быть благосклонной.

В переговорной повисла тишина. Я смотрю на Екатерину. Ее лицо начинает краснеть, недовольный взгляд скачет с Валентины на мать Анастасию и обратно.

– Может вы нам объясните, что происходит? – Екатерина достает из сумки телефон и смотрит на экран. – Мне надо в два часа быть на другом конце Москвы.

Валентина сопит. Lady in black медленно произносит скрипучим голосом:

– Вижу прямой пу-у-ть... Быть всему-у, – сначала она закатывает глаза к потолку, затем ее пространный взор блуждает по стенам переговорной.

Валентина тут же уставилась на потолок, словно там что-то написано.

– Валентина, попрошу вас отвлечься от наскальной живописи и изучить договор: мы ждем вас! – потихоньку начинаю звереть. Подмышки вспотели, чувствую, как в голове затикало и защелкало. В ответ молчание.

Открывается дверь. Заходит Андрей Гараев – регистратор. Здравуюсь кивком. Он отвечает также и останавливается в дверях. Невозмутимое лицо превращается в знак вопроса:

– Я не вовремя?

– Нет, вы очень вовремя, Андрей: хотелось бы прекратить этот цирк и перейти к подписанию договоров, – выразительно смотрю на Валентину.

На ее лице вспыхнуло возмущение, все морщинки и складочки выстроились в вертикальные ряды и устремились вниз. Того и гляди хрюкнет, зараза.

– Пока мать Анастасия не скажет, что у вас все чисто, ни-

чего не буду подписывать! – завизжала она. – Знаю я вас, мошенников! У вас на лице написано – воры!

Екатерина открыла рот и попыталась встать, хватая ее за руку и шепчу: «Молчи!»

– Валентина, о каком мошенничестве вы говорите: мы предоставили вам оригиналы документов на авансе и все выписки? – делаю тон голоса как можно холоднее.

Она хапнула со стола лапку имбиря и ткнула мне в лицо:

– Вы мне сразу не понравились! А мать Анастасия сказала, что в вас есть могучая сила! – в этот момент ее скукожившееся лицо стало похоже на дважды печеную картошку.

«Ну, все, даже ангельскому терпению наступает конец! Сейчас я тебе устрою плохого полицейского!»

Вырываю имбирную культияпку из ее рук, вскакиваю со стула и говорю тихо и злобно, глядя в ее свинячьи глазки:

– Значит так, уважаемая Валентина Петровна! Либо прямо сейчас ваша мать, как там ее, Анастасия, прекращает причитания, убирает свои пожитки со стола, а вы читаете и подписываете договор! Либо я подключаю всю свою могучую силу, – вам же сказали, что она у меня есть, – и засовываю эту имбирную штуку в вашу, доставшую меня задницу! – последние три слова я прошипела особенно отчетливо.

Сгребаю со стола все документы:

– Екатерина, мы уходим! – прогремела я, а сама наблюдаю.

Лицо Валентины застыло как маска Крик, рука матери

Анастасии начала суетливо запихивать в сумку черное яйцо, а Андрей, обхватив портфель обеими руками, вжал голову в плечи.

– А завтра эта квартира будет стоить на полмиллиона дороже! – оглядываюсь я у дверей. – И даже мать Анастасия не заставит меня продать ее вам!

Поворачиваю дверную ручку на выход, пропускаю Екатерину вперед.

– Стойте, подождите! – вопит Валентина. – Я все подпишу! Я согла...

Резко останавливаюсь, и перебиваю:

– Поторопитесь: моя клиентка сегодня может подписывать договоры только до одиннадцати дня! – припоминаю Валентине ее утренний ультиматум.

Затаскиваю Екатерину обратно, садимся. Мать Анастасия смотрит на меня, не мигая. Андрей достает из портфеля папку. Валентина, не читая, подписывает три копии договоров. Потом, опомнившись, поворачивается к чернявой товарке и тычет ее в бок:

– Ах ты, паскудница! Обещала, что цену собьем, а тут по твоей милости я чуть без квартиры не осталась!

– Доверенность! – командуя я и протягиваю руку. Секунду она хлопает глазами, потом вырывает у матери Анастасии сумку, копается в ней и достает файл. Я резко выхватываю его, читаю:

– Годится, – собираю со стола все документы и передаю

их Андрею. – Покупатель и продавец, за мной, в ячейку!

Дальше все идет по плану, по моему плану: я руковожу действиями сторон, не позволяя всяким матерям усомниться в моем профессионализме.

Ровно в одиннадцать часов мы сидим в кафе. Катя закуривает. Я отпиваю маленькими глотками травяной чай. По телу разливается приятное тепло. Молчим. Чувствую на себе пытливый взгляд Екатерины. Вопросительно киваю ей.

– Слушай, знаю тебя много лет, но никогда не думала, что ты можешь быть такой классной сукой!

В ответ я улыбаюсь и пожимаю плечами: сделки бывают разные.

Адилъ Койшибаев

Из столицы Казахстана города Нур-Султан. Предприниматель, основатель проекта бизнес-план.kz В свободное время увлекаюсь спортом, музыкой, пишу стихи, рассказы. Мечтаю написать отличный роман. Для связи <https://vk.com/adil2030>

Лифт

Рассказ

Сколько себя помню, всю свою сознательную жизнь, я боялась закрытого пространства.

– Татьяна Васильевна у вашей Наденьки наблюдается фобия, – сказал строгий дяденька в белом халате, похожий на Айболита. – По-научному это звучит «Клаустрофобия» – боязнь замкнутого пространства. Я вам выпишу направление к хорошему психологу — Чернышову А.В.

Мне тогда было всего шесть. Но то посещение доктора, особенно чётко отпечаталось в моём сознании. После этого, мы с мамой целый год посещали Аркадий Викторовича. Вспоминаю, как он раскладывал на своём огромном столе, рисунки с чёрными кляксами, и спрашивал: «Что ты видишь?». Размахивал перед моим лицом часами, на тоненькой цепочки и считал до десяти, а я сладко засыпала.

Возможно Аркадий Викторович способствовал моему излечению. Я даже научилась медленно отсчитывать про себя до десяти, когда находилась в закрытом помещении, это понемногу отпускало учащенное сердцебиение.

Хотя я и сейчас, сплю с открытой дверью и боюсь летать самолётом. Мне уже тридцать пять лет, у меня двое детей: Алешеньке десять, он учится в пятом классе; Анечка ходит

в садик ей шесть. С мужем не сложилось, «разные характеры» – как мы указали причину развода. Может быть он не идеальный муж, но хороший отец, помогает с детьми, поддерживает финансово.

«В какой же кабинет надо занести эту чертову счёт-фактуру, а вот нашла 1501. Твою же мать, пятнадцатый этаж бизнес-центра. Может пешком? Нет, не успею, надо в офис с отчётом и Анечку забрать из садика до шести вечера. – Думала я».

Ну с богом, сделала первый шаг в лифт, далее второй, плавно нажала на кнопку нужного этажа. Симпатичный лифт встретил меня мягким освещением, металлическими стенами, зеркалом и видео рекламой. Беззвучно закрылись двери и началось плавное движение вверх. Наслаждаясь просмотром рекламы, обратила внимание, как лифтовой монитор показал цифру двенадцать. Ну слава богу, осталось всего три этажа.

Внезапный резкий толчок, лампочки заморгали и лифт замер. Ну вот и покатались. Нажала на кнопку колокольчика.

– Диспетчер, слушаю вас, – произнес металлический голос. – Скажите, что произошло?

– Девушка, родненька, я застряла в лифте, на двенадцатом этаже, бизнес-центр «Город Столиц».

– Вызов принят, бригада будет у вас через полчаса.

Полчаса, это тридцать минут, но для меня это целая жизнь. Сердце предательски начало учащенно биться, тук-

тук-тук. Попыталась найти успокоительное в сумочки, как назло забыла положить «Магний В6». Самое страшное, когда оказываешься взаперти – это страх задохнуться.

Пытаешься делать поглубже каждый вздох, с надеждой, что тебе хватит кислорода надолго. От волнения по всему телу пробегает волна жара, а вместе с ней приходит испарина. Одежда противно липнет к телу, хочется её сорвать и убежать, туда, где ветер играет локонами моих волос, где нет давящей атмосферы закрытого пространства.

Как учили, дышу постепенно, медленно, вдыхая каждый глоток воздуха. Бл%ть, как это медленно? Пошли все нафиг, я сейчас сдохну! Тупо задохнусь! Суки ещё и вентилятор отключили.

Ну все началось, как в детстве. Вокруг головы начали водить хоровод звездочки, осталось ещё упасть в обморок и потерять сознание. Всё! Мямля прекращай... у тебя двое детей. Бери себя в руки! Сдохнет она... видите ли в лифте.

А кто будет поднимать на ноги Аньку и Алёшку? Что завтра будет с ними? Бывший сейчас помогает, а завтра найдет новую кралю и всё, нафиг ему сдались твои дети. Заберут их в детдом: Лёшка станет бандитом и погибнет в разборке от шальной пули; Анька пойдет на панель, заразится СПИДом и умрёт как брошенная собака, в каком-нибудь клоповнике.

Нет, это мои дети! Всё у них будет хо-ро-шо! Я справлюсь с этой долбаной клаустрофобией. Зубами буду грызть металл, перелوماю весь свой маникюр, но выберусь из этой

чертовой жестянки.

Распустила нюни, дышать ей нечем, умираю. Рано тебе подышать, материнский инстинкт брал вверх. Для каждой матери, самое страшное, это страдание своего ребёнка. Ты выносишь это чудо в себе в течение девяти месяцев. Ощущаешь, как он растёт, его сердцебиение, как он бьётся своими ручками и ножками.

Так, как учили, дышу медленно, раз, два, не успела досчитать до трёх, как лифт тронулся и продолжил путь. Вышла на пятнадцатом этаже, вручила счёт-фактуру и пешком пошла вниз.

P.S Спрашивается, нафига, я столько бабла отвалил мозгоправам?

Модница

Рассказ

Оля всегда знала, что она особенная. Не важно, что родилась в провинциальном городе К. В простой двухкомнатной хрущёвке с видом на старую ткацкую фабрику, в окружении серых и унылых пятиэтажек. В детстве Оля до дыр зачитывалась журналами OOPS. Была без ума от Ким Кардашян. Грезилась о карьере фотомодели, училась наносить правильный макияж. С Маринкой из соседнего подъезда они часто делали друг другу прически, подражая голливудским звёздам.

– Ну и воображуля же ты, – говорила ей мать.

– Мама я самая красивая и самая привлекательная, – отвечала маленькая модница. – Когда вырасту, уеду за границу! У меня будет муж миллионер и вилла у моря.

– Доча, а как же институт? – Недоумевала мать. – Без высшего образования никуда.

– Мама, с моей красотой мне и институт не понадобится.

В итоге Оля, так и не поступила в институт. Будучи скоропелкой в свои тринадцать, она выглядела как взрослая привлекательная девушка. Налитая грудь, упругая попка, длинные смоляные волосы – сводили с ума всех одноклассников. Мальчишки не давали ей прохода: дергали за косички, самые смелые даже щупали округлые формы. Зеленые колдов-

ские глаза и чувственные пухлые губки покорили не одного поклонника. Оля не обращала внимание на сверстников, они для неё не существовали, интересовалась парнями постарше.

Когда зеленоокая красотка начала встречаться с Владимиром, он учился на третьем курсе, ей же было всего пятнадцать. Через полгода ухаживаний, Оля познала мир неизведанных ласк и сексуального удовольствия. Её первый любовник был нежен и неумолим. К сожалению, его забрали в армию, растоптав так и не окрепший любовный мирок. Оля не долго мучилась и страдала, через пару месяцев у неё появился другой молодой человек. Потом ещё один, и ещё. К окончанию школы, она могла похвастаться неважным школьным аттестатом и значительным «послужным списком» интрижек.

После участия и победы в городском конкурсе красоты, Оля стала местной знаменитостью. Как желанная гостья, была вхожа во все модные тусовки города. На одной из вечеринок она влюбляется. Артем был неотразим: высокий энергичный брюнет, с обжигающими карими глазами. Оля не успела опомниться, как он ей вскружил голову. Роман развивался бурно. Через девять месяцев у нее появилась сладкая девочка – дочка Маша.

Спустя полгода, Оля осознала, что воспитание ребенка не для неё. Постоянный недосып, сопли, пелёнки, – распашон-

ки, – никак не соотносились, с красивой жизнью гламурной красотки. Подписчики ставят лайки, за красивые отфильтрованные селфи, прикольные вайны и губки в форме рыбки. Никому не интересны – тёмные мешки под глазами, горы дурно пахнущих подгузников и прочие атрибуты материнства.

В Ольге что-то надломилось. На вечеринках она была той же милой хохотушкой. Днём же, дома она перевоплощалась в Мегеру.

– Мама не надо мне указывать, как жить – Оля часто повышала голос на мать. – Я самостоятельная женщина.

– Оль, но ты же неправильно лечишь, Машу – пыталась вразумить её Наталья Викторовна. – Смотри Маша покрылась пятнами, у неё же аллергия на Ибуфен. Сколько раз я писала тебе, что ей можно давать, а что нет.

– Мам, всё! Ты меня достала, вали на фиг из квартиры! – дочь была неумолима.

Наталья Викторовна не раз делала замечания дочери, но последние слова, в сердцах сказанные Ольгой, выбили её из равновесия. В ней тяжело было узнать ту крупную видную женщину–бригадира. На работе она с легкостью дирижёра управляла швейным коллективом, но дома с дочерью терялась. Возможно это были последствия долгой болезни Ольги, в детстве Наталья Викторовна сильно её опекала.

Наталья часто говорила подругам: «Оленьку нельзя расстраивать, ей доктор прописали покой». Смышлёная девоч-

ка мастерски обучилась искусству манипулирования. Для неё перестало существовать слово – нет. Одно дело, когда командуешь мамой, другое дело, когда сама становишься матерью.

Ольга была не готова стать матерью в свои девятнадцать лет. Кому она будет нужна со своим маленьким «хвостиком»? Отец малышки – Артем предлагал свою руку и сердце. Но он же нищеврод из преподавательской семьи. Недолго думая, она перевела его в разряд бывших.

Почувствовав себя свободной, Ольга всё чаще уходила из дома, оставляя дочь одну, случалось на день или два. Прохожие не раз замечали игрушки, что летели с окна пятого этажа. Маленькая Маша всячески привлекала, но, люди, озабоченные своими проблемами, пробежали мимо.

Для Оли все изменилось в один день, после разговора с подругой. Они тусовались в новомодном заведении города – клубе «Малина».

– Оль, ты видела того красавчика?

– Тот иностранец? – да он же так себе.

– Подруга, не поверишь, но это крутой чел! – Маринка с детства любила наводить туман. – Мне за него Светка Волкова рассказывала. Помнишь Светку, рыжая такая, она работает секретаршей в американской тракторной компании.

– Светка? – Ольга на минуту задумалась. – А эта та, худая, которая встречалась с Женькой качком?

– Да, точно! – Маринка сделала небольшой глоток мартина. – Так вот, Светка сказала, что это Ник Смит. Он американец единственный сын собственника компании, ему тридцать пять, не женат, долларовый миллионер, приехал по работе на месяц.

Маринка ещё долго распиналась, красочно обрисовывая заморского принца. Услышав слова: американец, не женат и миллионер, первая красотка город уже приняла решение... Рассвет Ольга встречала с американцем в четырёх звёздочном «Centralnay Hotel».

Любовные отношения знойной русской девушки и богатого американца расцветали день ото дня. Влюбленных знали во всех лучших заведениях и гостиницах города. Ольга утопала в любви и дорогих подарках любовника. Они часто говорили о будущем, он предлагал ей переехать на свою виллу в солнечную Флориду. Она показывала фотографии своих будущих владений всем подружка. Последние жутко завидовали, но на словах искренне радовались за подругу.

Единственное, что смущало Ольгу – наличие маленького «хвостики» – Маши. У молодой и привлекательной женщины только начала налаживаться личная жизнь. Ник был неотразим, а как он улыбался своей фирменной американской улыбкой – во все тридцать два зуба. Ольга наконец-таки ухватила птицу счастья за хвост, ещё немного и она осуществит свою детскую мечту.

Однажды он ей сказал: «Ольга поехали со мной в Амери-

ку, только ты и я». И у неё появился страшный, безумный план.

Наталья Викторовна давно не навещала внученьку. После скандала с дочерью, она переехала к своей сестре Светлане в пригород. Каждая поездка в город была для неё испытанием на прочность. Полчаса тряски в маршрутке, пересадка и еще сорок минут в душном автобусе. В последнее время Наталье не часто удавалось поговорить с Ольгой. Та была влюблена в американца и не замечала ничего вокруг.

– Оль, как там Маша? – спрашивала скучающая бабушка по телефону.

– Мам мне некогда, – отвечала недовольная дочь. – Нормально все с Машей, вон сидит мультики смотрит.

– Оль, а ты с ней на улицу выходишь?

– Да мам, выхожу, всё мне надо бежать! – Ольга грубо оборвала телефонный разговор.

Единственным способом отслеживать жизнь внучки был инстаграм Оли. Оля выкладывала десятки фотографий каждый день. Фотография дочери с внучкой особенно сильно понравилась Наталье. А подпись моей малышке три года, заставила женщину улыбнуться. Заботливая бабушка обошла весь центральный рынок, пока купила дорогую куколку LOL своей любимой внучке.

«Приду в гости к Машеньке, подарю ей куклу, вот она обрадуется. Потом будем пить чай с тортом. Машенька любит

«Молочную девочку», да она и сама как молочная девочка» – рассуждала Наталья Викторовна по пути.

Звонок в дверь. Тишина. Ещё раз позвонила – нет ответа.

«Хорошо, что у меня остался запасной ключ» – подумала она.

Щелчок замка, дверь открыта.

Резкий, тошнотворный запах ударил в нос. Наталье Викторовне стало плохо, подкосились ноги. Пару минут она приходила в себя, собралась с духом и шагнула внутрь. В квартире был полный бардак. Повсюду валялись вещи, игрушки. На старых, пожелтевших от времени обоях то там, то тут тонкие бороздки будто маленькое животное царапало стену.

Странно, но в воздухе помимо разложения сильно пахло стиральным порошком – он был рассыпан повсюду. Белый стиральный порошок с синими вкраплениями. Осмотревшись в зале, Наталья, пошла в кухню. С каждым шагом зловоние усиливалось, открыв кухонную дверь бабушка истошно заорала. На крик прибежали соседи и вызвали полицию.

Капитан полиции Дмитрий Иванов – начальник убойного отдела города К. За пятнадцать лет в отделе убийств он насмотрелся всякого, но то, что он увидел в двух комнатной хрущёвке на пятом этаже, повергло его в шок. Это же надо быть последней сволочью, что-бы сотворить такое с собственным ребенком.

Труп девочки, словно фарфоровая статуэтка лежал на кухонном полу. Маленькое тельце сжалось и уменьшилось в размерах. Сквозь кожу девочки просвечивала все вены и капилляры. Дмитрий боялся дотронуться хрустальная фигурка могла рассыпаться от одного прикосновения.

В мир грёз малышка ушла не одна, а обнимая своего плюющего мишку – подарок её любимой бабы Натальи.

Судмедэкспертиза подтвердила, что девочка умерла от обезвоживания и голода. Влюблённая мать отключила воду и не оставила еды. Девочка умирала в течение недели.

Соседи слышали детские крики и плачь, но так как в этой квартире ор был не редкостью – не обратили внимание. Малышка открывала все краны, но вода не текла. От голода она начала есть стиральный порошок. Следы порошка были обнаружены по всей квартире и в ротовой полости девочки. Ребёнок умер в следствии отравления, обезвоживания и голода – был вердикт.

Дмитрий буквально за пару часов разыскал нерадивую мамашу. В то время пока маленькая Маша мучительно умирала от обезвоживания, счастливая Оля утопала в объятиях заморского кавалера.

Если бы не мундир офицера, Дмитрий разорвал бы на куски проклятую «Мамашу».

После случившегося город К. стоял на ушах. Дело получило небывалый резонанс во всех СМИ. Люди со всего го-

рода приходила к злосчастной хрущёвке, оставить игрушку в память о Маше. На импровизированном алтаре, день и ночь – горели сотни свечей. Свечи слезами из воска оплакивали маленькую девочку.

На вопрос СМИ: «Почему вы раньше не забрали дочь?»

Отец оправдываясь ответил: «Тогда у меня не было возможности, а потом, когда я переехал в столицу, возможность появилась, но Ольга не отдала дочь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.